

© 1997 г. А. АЛЬКВИСТ

МЕРЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА НА ФОНЕ МНОГОСЛОЙНОСТИ ТОПОНИМИИ

Исчезнувшие финно-угорские народности Средней России: меря, мурома и мещера – привлекают внимание представителей многих поколений исследователей. Особенный интерес вызывает мерянская проблематика как в России, так и за ее пределами. Мой учитель и научный руководитель, специалист по финно-угроведению – профессор Микко Корхонен (1936–1991) считал исследование финно-угорского субстрата России как бы историческим долгом финнов.

Обратиться к проблемам меряностики на страницах журнала "Вопросы языкознания" меня заставила статья Александра Константиновича Матвеева, напечатанная в 1-ом номере издания за 1996 г. К рассуждениям опытного специалиста по топонимии и говорам Русского Севера я хотела бы в краткой форме добавить кое-какие свои размышления о мерянской проблеме не только с точки зрения финского "меряниста", но прежде всего с позиции исследователя Средней России, а именно Мерянской земли и ее топонимии. При этом хотелось бы обратить внимание на некоторые принципиальные вопросы изучения субстратной топонимии Мерянской земли.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБСТРАТА МЕРЯНСКОЙ ЗЕМЛИ

Финно-угорский субстрат Средней России исследован крайне недостаточно. Пока даже планомерно не собран материал, необходимый для глубокого исследования. Прежде всего речь идет о топонимах и антропонимах; диалектная лексика собрана несравненно лучше. В данной статье мы не будем затрагивать те многочисленные исследования о мере, выводы в которых сделаны на основе одного и того же не очень значительного и не всегда качественного топонимического материала, на что указывает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 4; 1997: 46].

Некоторые выводы предыдущих исследований, безусловно, оказались правильными, но в большей части, к сожалению, все еще при изучении топонимии пользуются одними и теми же, порой недостоверными результатами. Конечно, если во многом построить исследование заново с самого начала, можно двигаться вперед, опираясь даже на давно известный, ограниченный топонимический материал. Однако только дополнительные материалы позволят нам по-новому взглянуть на проблему исследования и дадут совершенно новые возможности для последовательного изучения топонимии Мерянской земли. Поэтому, как нам кажется, на данном этапе одной из наиболее важных задач исследователей нашего поколения является систематический сбор полевых материалов, который должен отвечать высоким требованиям как с точки зрения достоверности сведений, так и в плане их многосторонности.

В настоящее время именно древняя микротопонимия стоит перед опасностью исчезновения. Сохранившейся в Средней России микротопонимии угрожает, например, вымирание деревень или превращение их в дачные городки, уход из мира старого поколения, миграция населения и быстрое изменение его традиций. В подобных условиях топонимия уже не переходит к новому поколению так, как это было раньше

веками. Однако, не все еще потеряно, и особенно радует то, что хорошую и подробную информацию можно услышать иногда не только от пожилых людей, но и от людей среднего поколения. Если же материалы в ближайшие годы и десятилетия не будут собраны, часть богатой топонимии может исчезнуть навсегда. Именно сейчас есть последняя возможность начать систематический сбор материала.

В 1995 году нами разработан трехлетний проект исследования финно-угорского субстрата Средней России, финансируемый Академией Финляндии и осуществляемый кафедрой финно-угорского языкознания Хельсинкского университета. Цель проекта – научное исследование языкового и, частично, другого духовного наследия дославянских жителей Ростовского и Переславского районов Ярославской области, включая районы двух больших озер Ярославского края – Неро и Плещеево, т.е. центральной территории летописной мери (ср. [Леонтьев 1996: 292]). Исследование ведется в лингвистическом аспекте с привлечением данных этнографии, фольклористики, науки о древних верованиях и последующим сопоставлением получаемых результатов с выводами археологических исследований.

Полевыми исследованиями собирается, по возможности, весь сохранившийся топонимический материал двух южных районов Ярославской области, на территории которых до настоящего времени только существующих населенных пунктов насчитывалось более 600 [ЯО]. Задачей проекта является тщательное и планомерное исследование всех населенных пунктов: как существующих, так и исчезнувших. Материал об исчезнувших деревнях собирается, как правило, от их бывших жителей. Полевые исследования проводятся ярославскими сотрудниками по вопроснику, составленному с учетом региональных особенностей Средней России.

В сравнительных целях исследуется также ряд населенных пунктов в других районах и сопредельных областях, в том числе на территории Костромской мери, в Муромском и Мещерском краях.

Параллельно ведется сбор соответствующих материалов в местных и центральных архивах, где в документах встречаются топонимы, уже не используемые в живой речи современными деревенскими жителями. Частично такие названия еще могут пассивно существовать в памяти старшего поколения, и поэтому извлеченный из архивных источников материал, по возможности, проверяется у современного населения данной местности.

По собранному и проверенному материалу составляется максимально полная компьютерная картотека как для исследования проблемы в связи с проектом, так и для науки в целом. После окончания проекта собранные полевые материалы по Ростовскому и Переславскому районам Ярославской области будут полностью опубликованы в виде словаря географических названий с основными сведениями. В дальнейшем планируется также составить соответствующий словарь, опирающийся на тщательно изученные архивные источники¹.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ СРЕДНЕЙ РОССИИ

Длительная история заселения Средней России богата многообразием культур и народов. Уже один этот факт свидетельствует в пользу того, что дославянская топонимия региона гетерогенна по своему происхождению. В ряде случаев в ней можно выделить перекрывающие друг друга параллельные топонимические компоненты с предполагаемой одинаковой семантикой, но с такими фонетическими различиями, которые не объясняются славянским влиянием, а могут быть связаны с

¹ Приведенные ниже примеры собраны как полевыми исследованиями автора в Ярославской и сопредельных областях в 1989–97 гг., так и при осуществлении указанного проекта исследования в 1995–97 гг. Источники письменных материалов даются отдельно. Ударение в приведенных примерах не указывается: в абсолютном большинстве случаев оно стоит на первом слоге.

существованием на территории в разное время отличающихся друг от друга по языку народов финно-угорского происхождения.

В субстратной топонимии Средней России участвуют не только непосредственно дорусские компоненты, например, мерянского происхождения, но и более древние элементы, имеющие, главным образом, финно-угорские корни, а также, вероятно, на каких-то участках территории и иного, в том числе балтийского происхождения. Естественно предположить, что мерянами была освоена определенная доля предшествующей топонимии, которая, в свою очередь, частично могла восходить к языкам более древних жителей ареала (с точки зрения мерянского языка, к субсубстрату).

Вполне вероятно, что освоение мерей (суб)субстрата происходило относительно легко благодаря родству языка. В процессе ассимиляции подобное должно было случаться и в более ранние времена. На основе общей лексики финно-угорских и, тем более, финно-волжских языков, можно предположить, что часть субсубстратной (с современной точки зрения) топонимии при освоении ее новыми языками, скорее всего, сохраняла в несколько измененной фонетической форме свое первоначальное семантическое содержание.

Причислить весь субстратный топонимический материал региона к какому-либо определенному языку – задача нереальная. Это не позволяет сделать, прежде всего, проявляющаяся в топонимии языковая близость этносов, в прошлом попеременно населявших Среднюю Россию. Заимствование названий одного языка другим осуществлялось на разных этапах заселения.

Из-за явной многослойности топонимических компонентов бывшей мерянской территории употреблять определение "мерянский" на современном этапе исследования следует крайне осторожно, хотя, в определенном смысле, всю топонимию финно-угорского происхождения мерянской земли можно считать "мерянской", ведь она в любом случае должна была проходить мерянскую адаптацию до "передачи" ее в процессе ассимиляции славянскому населению. Менее рискованно говорить просто о финно-угорском субстрате с территориальными дополнениями, например, Мерянской земли.

Как утверждает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 5], абсолютных критериев выделения топонимии мерянского типа нет. Вместе с тем, он предлагает несколько возможных критериев. Определение даже условных критериев для таких целей предусматривает высокую степень собранности топонимии не только в Средней России, но и на огромных прилегающих, бывших или теперешних финно-угорских территориях. Наличие обширных топонимических материалов только по Русскому Северу в данном случае является недостаточным. Необходимо иметь подобную богатую коллекцию топонимов и по Мерянской земле, не говоря уже о других территориях Средней, а также Северо-Западной и Восточной России.

Для выделения топонимии мерянского типа мы, естественно, должны уметь отличать ее по каким-то признакам от топонимии, возникшей на основе других (финно-угорских) языков. Но до основательных сравнительных исследований огромной массы субстратной и продуктивной топонимии широкой территории обитания финно-угорязычных народов в прошлом или настоящем определять по любым критериям какие-нибудь категоричные изоглоссы и точную принадлежность древних топонимических слоев к определенным языкам очень рискованно. Пока же такое исследование провести невозможно из-за недостаточной собранности топонимии значительных территорий.

Нам кажется, что критерий А.К. Матвеева [Матвеев 1996: 5] № 1 – "фиксация структурно-словообразовательного типа на территории ИМЗ /исторические мерянские земли/ и его отсутствие на смежных территориях (кроме РС /Русский Север/)" – является достаточно опасным. Позволяя себе отождествление топонимии Мерянской земли лишь с топонимией Русского Севера, мы по какой-то непонятной причине оставляем в стороне остальную часть Средней России, не говоря уже о других (бывших) финно-угорских территориях. Подобный подход будет отражать только

субъективную точку зрения, а не настоящее состояние дела. По предлагаемому критерию мы можем оставить субстратную топонимию этих остальных территорий в стороне только в том случае, если она окажется отличной в каком-то отношении именно от субстратной топонимии Мерянской земли и Русского Севера. Ни вопрос о выделении топонимии мерянского типа, ни вопрос о связи мерянской топонимии с домерянской не могут решаться с учетом лишь севернорусских данных (ср. [Матвеев 1996: 5]). При определении топонимии мерянского типа до осуществления фундаментальных исследований мы ничего не можем оставлять в стороне. Это дело самого исследования. Критерии не должны рассматриваться произвольно.

А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 5] учитывается мнение исследователей о принадлежности того или иного типа названий к мерянской топонимии, что, естественно, и должно делаться. Однако на основе предыдущих исследований по финно-угорскому субстрату Средней России мы фактически имеем очень мало бесспорных сведений. Многие из предложенных этимологий оказались неустойчивыми, были основаны прежде всего лишь на похожем фонетическом облике лексического компонента в каком-то из финно-угорских языков и часто не учитывали при этом семантическую вероятность. Следовательно, отбор подходящих исследований происходит субъективно, избирательно и не может служить абсолютным критерием.

Современное состояние изучения субстратной топонимии Средней России сравнительно уверенно позволяет исключить лишь славянскую топонимию из географических названий финно-угорского (а возможно, в какой-то мере, и иного) происхождения.

Очень серьезный вопрос возникает при выделении компонентов субстратного языка с явным наличием разного рода фонетических адаптаций, часто происходящих с народными этимологиями, которые имели место не только во время славянской колонизации, а неизбежно уже на более ранних этапах освоения местных топонимов пришельцами. В некоторых случаях основы номинации в русском языке, а также географическая реальность могут свидетельствовать о наличии народной этимологии (см., например, [Ahlqvist 1997]).

В ряде случаев семантика, первоначальное содержание топонима явно не подчиняется фонетическим законам. Консонантизм субстратной топонимии Средней России кажется достаточно стабильным, но при вокализме часто наблюдаются явления, не вмещающиеся в рамки развития фонетической системы финно-угорских языков. При этом надо учитывать русскую адаптацию, о чем упоминает А.К. Матвеев [Матвеев 1997: 46].

Нам кажется, что пренебрежение явными видоизменениями может серьезно исказить общую картину распространения какого-либо определенного топонимического компонента.

Методом широкого сравнения топонимических компонентов (как субстратных, так и продуктивных) огромных пространств былого и современного расселения финно-угров и специфических особенностей их языков мы можем доказать, главным образом, финно-угорское начало топонимии субстратного происхождения Средней России. Для этимологизации определенных названий, кроме помощи живых финно-угорских языков и учета первоначального вида и состояния местности, требуется тщательное исследование основ номинации, например, с помощью русской топонимии в виде семантического сравнительного материала. Русская топонимия может быть существенно важной и бесспорно доказательной с точки зрения подтверждения возможных топонимических калек или полукалек, или же как показатель наличия определенных принципов номинации в той или иной местности. Ср. классический пример: название с. *Киболо*, основа **Ки* которого этимологизируется как 'камень' на основе расположения села на реке *Каменка* [Eugoraeus 1868: 105; Vasmer 1935: 398, 417; Попов 1974: 16; Ткаченко 1985: 61, 149–150].

Вполне реально стремиться не только к выяснению субстрата, оставленного непосредственно дорусскими жителями территории, которые, видимо, могли сохранить

компоненты языков более древних народностей и племен, живущих на данной территории, но и к выделению каких-то осколков топонимических компонентов, восходящих к субсубстратным языкам.

Определение качества древнего топонимического материала, отделение субстрата от субсубстрата (порой разновременного), т.е. выявление разных слоев субстратной топонимии – сложнейшая задача, которая частично может быть разрешена сопоставлением результатов языкознания, археологии, а в определенных случаях также и географии. Следовательно, кроме фонетико-морфологических и лексических сравнений с разными языками финно-угорской языковой группы потребуется бесшовная и систематическая совместимость языковедческих, а именно топонимических данных с археологическими. Для поддержки этимологизации части названий нужны дополнительные сведения о географических и природных условиях, об их изменениях в течение длительного времени, а также, по мере надобности, иная лингвистическая информация.

Является ли компонент мерянским или домерянским (финно-угорским), в некоторых случаях можно будет определить подтверждением археологического возраста ряда географических объектов с одинаковым топонимическим компонентом. Максимально полная археологическая изученность определенного места позволит достаточно уверенно исключить более ранние, например, домерянские признаки человеческого действия. Желательно иметь полное археологическое исследование также и других мест, названия которых будут либо параллельными (имея и тот же корень/определение, и тот же суффикс/детерминант) с исследуемым топонимом, с языковедческой точки зрения, либо однокомпонентными (однокоренными или суффиксальными) с исследуемым топонимом, относящимся к археологически исследуемому месту. Так, например, селище *Бремболка* у с. Городище Переславского района Ярославской области считается археологами мерянским поселением [Леонтьев 1996: 48], относимым к VII–X в.в. [СПАЯ: 24]. Подтверждением меряничности топонимов на *-бол* бывшей мерянской территории служит ряд односуффиксальных ойконимов со следами мерянских поселений типа *Пужбол*, *Деболовское* (см. [Леонтьев 1996: 27–28, 38–39] и ниже об общности компонента *-бол*).

Второй надежный способ отделения субстрата от субсубстрата связан с географией. Если известно, что этимология топонима определяется географическими условиями, в некоторых случаях их изучение может помочь в выяснении возраста названия. По изменениям географических условий можно установить временные границы существования определенного типа ландшафта, по которому предполагается место названо. При этом желательно иметь также сведения о нескольких местах с одинаковым названием.

Возьмем, к примеру, гидроним *Вёкса*. Все четыре великих озера Мерянской земли, а именно ярославские Неро и Плещеево и костромские Галичское и Чухломское, имеют вытекающие из них реки под этим названием. Кроме этих четырех рек на территории от Ярославской до Вологодской областей имеется еще несколько параллельных гидронимов. Даже не касаясь этимологии данного топонимического компонента, можно делать выводы о его происхождении.

Вполне вероятно, что "Вёкса" из озера Неро образовалась в сравнительно позднее время. Есть предположение, что на рубеже эр озеро Неро могло распространяться до рек Устье и Которосль². Теперешняя *Вёкса*, соединяясь с р. Устье, теряет свое название и дальше течет под названием Которосль. Если река не существовала незадолго до мерянского времени, то, следовательно, она и не могла иметь названия, а была, вероятно, названа мерянами, пришедшими туда вскоре после ее образования.

Судя по ландшафтным данным, подобное вполне допустимо и относительно "вёкс" других великих озер. Удостовериться в этом можно путем изучения динамики развития ландшафта в определенные периоды.

² Сведения об оз. Неро и о р. Векса получены от научного сотрудника кафедры физической географии и ландшафтоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Низовцева.

Нам кажется, что подобный археолого-географический критерий, при помощи которого ряд названий субстратного происхождения можно отнести к определенному (в данном случае, к мерянскому) языку, является пока единственно устойчивым и дающим точные результаты. Определение происхождения каких-либо топонимических компонентов лишь на основе их распространения является очень опасным на данном этапе исследования. Этот критерий может быть эффективно использован только тогда, когда на основе сравнения огромного количества топонимов широкой территории обитания финно-угорских народов (в наше время и в древности) будут определены ареалы данных компонентов. Результаты таких сравнений не могут считаться окончательными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ

Не имея возможности останавливаться на многочисленных этимологиях топонимов, приведенных в статье [Матвеев 1996: 13–], следует все же отметить, что часть из них является спорной. Предполагаемые автором [Матвеев 1996: 6–] мерянские топоформанты могут толковаться и несколько иначе. Некоторые из них рассмотрены или будут обсуждены в других наших работах.

А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 6] насчитывает на территории исторических мерянских земель всего лишь чуть более тридцати названий населенных пунктов на *-бал*, *-бол*, *-пал*, *-пол*, *-пола*. Эта цифра берется из общезвестных материалов, но по итогам полевых исследований можно утверждать, что на центральной территории Мерянской земли компонент *-бол(V)*, *-бал(V)* и т.п. встречается намного чаще, например, в названиях урочищ, частей деревни или же в фамилиях, нередко имея и русскую суффиксацию. Первоначальный ойконимный характер данного компонента не вызывает сомнений, но с его возникновением связан ряд сложных вопросов.

На территории бывшей Мерянской земли мерянское происхождение компонента *-бол(V)*, *-бал(V)* кажется бесспорным. Проблематичным является то, что распространенность ойконимного суффикса отнюдь не ограничивается указанными А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 6] многочисленными северорусскими ойконимами, а может оказаться намного более широкой. Следует вспомнить ойконимы Петербургской области типа *Шибалово*, *Кемполово* или же упомянутые в книге Вотской пятины 1500 г. названия дровень *Калбола* и *Кимбола* [Попов 1981: 140], последнее из которых является параллельным названному автором [Матвеев 1996: 7] *Кимбала* близ озера Лача.

Настоящие *-бол*-компонентные топонимы не следует путать с ойконимами прибалтийско-финского типа на *-ла*, имеющими двусловную топонимическую основу на *-б(V)*, *-л(V)*. Вопрос о принадлежности ойконимов типа *Кишолово*, *Лемолово*, *Римолово*, *Раолово* к одному из этих рядов решается только путем этимологизации. Этимология многих подобных ойконимов прозрачна, и поэтому легко исключить из ряда *-бол* явные названия на *-ла*, как например, *Корбалово* от прибалтийско-финской основы со значением 'глухой лес, лесное болото и т.п.': ср., фин., кар. *korpi*, вепс. *kor'h*, и заимствованное говорами Русского Северо-Запада диалектное слово *корба* 'сырой сльник, чаща' (ср. [ЭСРЯ II: 322; Kalima 1919: 128; SSA 1: 405]).

Включение ойконима *Кимбола*, например, в ряд на *-бола* вместо *-ла* ясно на основе вероятного параллельного топонима *Кинобол* Владимирской области. (о чередовании *n* ~ *m* см. [Ahlqvist (в печати)].) Бывшее село Кинобол было расположено на речке *Кинга* или *Кинья*, кроме которой на территории обитания финно-угров существует множество других географических названий с *Кин(V)*-, имеющих другие суффиксы или детерминанты, что свидетельствует о наличии данной топоосновы. Особенно важным является топоним, в котором к данной основе прикреплен другой ойконимный суффикс *-ла*, а именно название древней волости, находящейся на территории современной Московской области, к востоку (северо- и юго-востоку) от города Загорска – *Кинела* (1462 г.), как убедительно свидетельствует ойконимия древних актов [Кинельский стан 1705; 1762; Смирнов 1929: 25, 41].

Следует заметить, что перечисленные топонимические основы [Матвеев 1996: 7] севернорусских названий на *-бал*, *-нал* отличаются от топооснов соответствующих названий Мерянской земли. Если бы они были даны одноязычным этносом, следовало бы ожидать какую-то долю повторных названий. В целом, топонимия центральной Мерянской земли указывает на большую общность с топоосновами ойконимов Белозерского края, нежели бассейнов северных рек.

Вероятно, недостаточность и отсутствие практического материала повлияли на сделанный А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 7] вывод относительно преобладания консонантных окончаний у мерянских названий. На самом деле, например, подсуздальское село *Кибол* [Матвеев 1996: 13] именуется его жителями *Киболо*, в такой форме оно упоминается также у А.И. Попова [Попов 1974: 14, 16]. Соответствующим образом подростовское село *Пужбол* именуется в некоторых близлежащих деревнях как *Пужболо*. О названии села *Деболовское* имеются сведения как в форме *Дебол*, так и в форме *Дебола* и по русской модели – *Деболы*. Однако русская суффиксация часто перекрывает возможность узнавания первоначального окончания данных ойконимов.

В этой связи следует обратить внимание на марийское *умбал* 'верх, на'. Ср., например, название марийской деревни *Вончумбал* на берегу реки *Вонча* [Галкин 1991: 44] и его русский вариант *Вонжеполь*. Не исключено, что среди названных А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 7] северных топонимов на *-бал*, *-нал*, по крайней мере, в окончании четырехсложных названий, в частности, *Шурамбала*, можно видеть нечто вроде марийского *умбал*. Ср. с ним название марийской деревни *Шура* [Галкин 1991: 144]. (К территории расселения мери относится также группа названий *Брембола* и *Бремболка*, об этимологии которых см. [Ahlqvist (в печати)].) Ср. также вышеназванные *Кимбола* и *Кимбала* с марийским названием конца деревни *Кумбал*, этимологизируемого И.С. Галкиным [Галкин 1991: 65] от мар. *кү* 'камень' и *умбал* 'верх, поверхность'. Ср. еще мордовское *тумбал'* 'место по ту сторону, другая сторона' [MW: 2296].

Этимология компонента *-бол(V)*, *-бал(V)* остается пока нераскрытой. Распространенность данной ойконимной модели говорит в пользу более общего в древности типа наименования поселений. Наличие на бывшей Мерянской земле ойконимного суффикса *-ла*, принятого рассматривать как прибалтийско-финский, показывает, что взаимосвязь данных суффиксов следует пересмотреть.

Связывание происхождения гидронимов на *-бож*, *-ингирь*, *-кур* (*-кура*, *-курга*) именно с мерянами вызывает большое сомнение уже из-за их относительной редкости по сравнению со многими другими топонимическими типами субстратного происхождения на бывшей мерянской территории (ср. [Матвеев 1996: 6–]).

Связь компонентов *-бож*, *-баж(а)*, *-бош*, *-наж(а)*, *-наш* с семантикой коми апеллятива *вож* 'приток на верхнем течении' [UEW: 825] более вероятна, нежели с марийским *важ*, *вож*, имеющим конкретное обозначение 'корень' [UEW: 548], к которому А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 7] склонен их отнести. В топонимии Мерянской земли имеются и другие, еще менее распространенные следы, раскрывающие, с точки зрения современных финно-угорских языков, связи с пермской группой, а именно речные названия на *-шор*, *-шур*. Ср. коми *шор* 'ручей' и удм. *шур* 'ручей, рска' [UEW: 499]. При этом следует помнить о контактах мери с Прикамьем (см. например, [Горюнова 1961: 129]).

Компонент *-бож* встречается, в какой-то степени, и за пределами указанных в публикации [Матвеев 1996: 7–8] территорий. Так, например, к Петербургской губернии относится река с названием *Паша*, имеющая приток под названием *Козопаша* [WRG II: 388]. В чистом апеллятивном виде гидроним *Паш*, *Паша* встречается также в Перми [WRG III: 595]. Речное название *Паж* встречается как в Средней России, так и в Олонецкой губернии [WRG III: 567]. Исследователь [Матвеев 1996: 15] подчеркивает, что классифицируемые им, как мерянские, названия на *-важ*, *-веж* распространены за пределами среднеустьянской территории и что они, хотя бы

частично, могут оказаться субсубстратом. Однородность всех приведенных [Матвеев 1996: 7–8] форм вроде *-еж*, *-маж*, *-меж* и др. пока не может считаться доказанной. В ряде случаев они вполне могут относиться к иной топонимической модели.

Сопоставимый с финно-волжскими соответствиями (ср., например, фин. *järvi*, вепс. *järv*, саам. *jav're*, морд. *er'ke*, (*j*)*är'kä*, в которых *-ke* является суффиксом уменьшительности, а также мар. *jär*, *jer*) географический термин, указывающий на первоначальную связь с озером, встречается в субстратной топонимии Средней России в некоторых отличающихся друг от друга как в фонетико-морфологическом отношении, так и в плане словообразования обликах.

Географический термин, обозначающий 'озеро', представлен на территории Ярославского края, как правило, в виде топоосновы или определения в ряде названий с *Яхр(V)-*, *Ягр(V)-*: д. *Яхробол*, оз. *Яхробольское*, пуст. *Яхрово* (1627–28 гг.) [Смирнов 1929: 89], (бывш.) с. *Ягреново*, рч. и гора *Яхрома/Яхрама* с метатезными формами *Яхорма/Яхарма*, как и оз. *Ягорба* с сел. *Ягорбино*.

А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 6, 9–10] рассматривает названия на *-V + хрa* 'озеро' как мерянские. Однако, скопление озерных названий на *-хрa*, *-хро* сосредоточено, в основном, по среднему и нижнему течению Оки и по нижнему течению Клязьмы в речной пойме (см. [Смолицкая 1973: 247]), в топонимии же Ярославского края окончание *-хрa*, *-хро* встречается крайне редко. Примерами могут служить название озера *Шехрома ~ Шехромка ~ Шахросиха* [ОЯО: 159–160], и, вероятно, озера *Искробольское* (< *Искра). Упрощенная основа *Хр(V)-* или метатезная *Хар(V)-* встречается в топонимах вроде названия пустоши *Хрово* [Смирнов 1929: 80] и покоса *Харило* [Смирнов 1929: 79].

На территории центральной мери не меньшую распространенность, чем названия с *Яхр(V)-*, *Ягр(V)-*, имеют названия с суффиксом *-ер(о)*, *-ор(о)*, обычно прикрепленным детерминантно-образно к топооснове с многочисленными вариациями. Они могут быть отнесены первоначально к названию озера, а впоследствии часто и к ойкониму. А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 10] упоминает вариант топоформанта *-ер* только относительно среднеустьянского микрорегиона русского Севера. В то же время, например, на территории Ярославского края встречаются следующего типа названия: оз. *Неро* (см. этимологию [Ahlqvist (в печати)]), оз. (?) *Селр* (1562 г.) [Смирнов 1929: 69], а также ойконим *Кустерь*. Нередко они представлены с русской суффиксацией, вроде *Ховоры (Ховарь)*, *Инеры*, *Чучеры*, *Биберево*, *Нажеровка*.

Наряду с приведенными [Матвеев 1996: 8–9] объяснениями окончанию *-кур*, в основном, в названиях пойменных озер во Владимирской и восточных окраинах Московской областей, а также названиям озер *Кура* и *Куро*, следует учитывать и иное, соответствующее содержанию топонима объяснение, а именно возможность видоизменения топонимического суффикального компонента *-хрa* с обозначением 'озеро'. Среди озерных названий бассейна р. Клязьма на *-хрa*, *-хро* имеется, по Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1973: 247], например, разновидность на *-гор*. К Ярославскому краю относятся сведения об ойконимах вроде *Вигорь*, *Сигорь (Большая и Малая)* *Шугорь ~ Шугарь*. Чередование *a ~ у* наблюдается и в ряде вариантов субстратных топонимов, а замена *х* на *к* – обычное явление в местных диалектах. (Ср. также названные метатезные формы *Яхорма* и *Ягорба*.)

А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 18] предполагает наличие оппозиции топоформантов *-кур* и *-курга*. Костромские и ярославские названия с компонентом *-курга* могут быть объяснены на основе компонента *-кур* с прикрепленным к нему речным суффиксом *-(V)га*. Следовательно, они могут быть объяснены как 'озерные реки', имеющие чаще всего определение. Не следует при этом забывать о возможном гетерогенном происхождении внешне одинаковых топонимов. В основе происхождения северных названий может быть диалектная лексика. Для полной уверенности этот вопрос в каждом конкретном случае следовало бы изучать отдельно. Возможности полевого исследования при этом вряд ли можно переоценить.

Вероятно, бесспирантные формы на *-ep(o)*, *-op(o)* в топонимии бывшей мерянской территории можно рассматривать как упрощение компонента *яxp(V)*-, *ягр(V)*- (ср. [Матвеев 1996: 10]), но только в том случае, если удастся доказать отсутствие разновременных слоев по существу одного и того же компонента. На их существование, в свою очередь, могли бы указывать перекрываемость друг другом приведенных выше компонентов и отсутствие отдельных географических ареалов. Гидронимы на *-кур*, будучи связаны с данным географическим термином, могут быть древнее собственно мерянских названий. Однако последовательность разных видоизменений можно, хотя бы приблизительно, установить, используя методы географии.

За исключением суффиксального ойконимного компонента *-бол(V)*, *-бал(V)* и озерного суффикса *яxp(V)*-, *ягр(V)*- и *ep(o)*, *-op(o)* (при условии датирования вариантов) выделяемые А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 6–] как характерные мерянские, другие топонимические типы не являются убедительными. Их ареалы, в основном, выходят за рамки исторических мерянских земель и Русского Севера. Иногда они даже более густо представлены вне Мерянской земли. Как правило, они имеют слишком большую общность для выделения их как мерянских.

Даже если имеются определенные топонимические ареалы исторических мерянских земель и Русского Севера, это не может служить гарантией, чтобы отнести данные компоненты к мерянскому типу, не говоря уже об их меряничности. При выполнении указанных выше условий мерянский тип и, тем более, меряничность отдельных топонимических компонентов может быть доказана, но пока только на той территории, где, согласно известным фактам, проживало мерянское население. Иное можно было бы доказать только при полном совпадении ареалов ряда топонимических типов.

Особое внимание при выделении среднеустьянского микрорегиона как места поселения мигрантов из Волго-Окского междуречья уделяется А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 11] гидронимам на *-енгарь*, являющимся многочисленнее типов на *-бал(o)*, *-курга* и др. В решении вопроса о происхождении названий на *-енгарь*, выявляемых автором статьи у мерян и марийцев, он видит большое диагностирующее значение. Предложенным методом, то есть сравнением выбранных структурно-словообразовательных типов топонимов [Матвеев 1996: 11–12], вопрос о принадлежности среднеустьянских названий на *-енгарь* марийцам или мерянам не может быть решен. Заключение исследователя [Матвеев 1996: 11] о том, что на основе меряничности среднеустьянских названий на *-енгарь* "бытующие на территории ИМЗ /исторические мерянские земли/ названия на *-ингирь* придется признать мерянским субстратом, а не марийским адстратом", не убеждает.

Из современных финно-угорских языков только в марийском засвидетельствован географический термин *эгер*, *а́нгыр* '(маленькая) речка, ручей', хорошо представленный, как утверждает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 8], в марийской гидронимии, с которой топонимический компонент *-(V)нгарь* явно связан. Наличие данного термина в других (финно-угорских) языках нам не известно. Соответственно основы некоторых перечисленных [Матвеев 1996: 11] среднеустьянских названий на *-(V)нгарь* или их фонетико-морфологические формы имеют явную схожесть с марийской топонимией. Ср., напр., *Куберенгарь* и русское название марийской деревни *Куберсола* [Галкин 1991: 65]. На топонимию бывшей Мерянской земли они, как правило, не указывают.

На центральной территории поселения мери названия на *-(V)нгарь* практически отсутствуют. То, что топоформант *-ингирь* не встречается на территории Ярославской области, ни в коем случае не может быть объяснено плохим сохранением микрогидронимии, как это делает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 8]. Наоборот, предварительные результаты полевого сбора топонимических материалов показывают совсем иную тенденцию: сохранность названий мелких речек и ручьев, в целом, высокая, и большая часть названий проточных вод имеет субстратное происхождение. О жизнестойкости субстратных гидронимов говорят также Н.Д. Русинов [Русинов 1982: 26], утверждая, что из установленных свыше 250 малых рек Угличского Верхневолжья

75% имеют неславянские названия. Эту картину, однако, искажает указанная выше явная народная этимологизация части названий.

Отсутствие компонента *-(V)нгарь* в топонимии территории центральной мери навряд ли может быть следствием сильной диалектной дробности мерянского этноса, как предполагает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 8]. Однако нельзя исключать или утверждать и возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка. Приведенные [Матвеев 1996: 18] в доказательство диалектной дробности мерянского языка диалектные различия отражают, в большей части, только фонетическую сторону топонимов. При этом влияние славянских мигрантов в разных частях мерянской земли не изучено в достаточной степени.

Несмотря на ожидаемые диалектные и языковые различия субстратная топонимия Средней России, в целом, демонстрирует повторяемость большого числа топонимических компонентов. Уже типичность для всей мерянской территории компонента *Векса* – вероятного первоначального географического термина с одной и той же формой и семантикой – является одним из доказательств достаточно большой языковой общности так называемой центральной и костромской мери.

Вышесказанное позволяет задать вопрос: на каком основании делаются попытки связать гидронимы на *-енгарь* с мерянским языком, а не, например, с языком древних марийцев, часть которых жила когда-то намного западнее своих теперешних территорий? Точка зрения А.И. Попова [Попов 1974: 24–25], относившего данный компонент к позднему марийскому наслоению, кажется более обоснованной, уже исходя из его восточной, неярославской распространенности.

СЛОЖНОСТИ В РЕШЕНИИ МЕРЯНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

А.К. Матвеев убежден в ключевой роли топонимии среднеустьянской территории для решения мерянской проблемы. Данный микрорегион представляет, по его мнению, "наибольший интерес как зона возможного распространения мерянской топонимии" [Матвеев 1996: 11]. Автор статьи [Матвеев 1996: 22] считает, что меряничность топонимов с формантами *-бал*, *-бол* и *-курга* лучше всего доказывается не столько их связью с территорией ИМЗ /исторические мерянские земли/, сколько небольшим среднеустьянским регионом. В связи с этим он приводит сравнительно мало параллельных географических названий собственно Мерянской территории.

Мы придерживаемся того мнения, что решение мерянской проблемы навряд ли может заключаться в изучении топонимии южной части Архангельской области при недостаточной степени собранности и изученности топонимии самой мерянской территории, тем более при отсутствии достоверных сведений о массовом переселении туда именно мерян или их потомков. Предполагаемое [Матвеев 1996: 12–14] существование переносных (параллельных) названий в топонимии Средней Устья не только с ростовской территории, но и со сравнительно отдаленной от него суздальской, уменьшает вероятность подобного явления. Трудно доказать, что часть населения обеих территорий мигрировала именно в данный далекий небольшой регион.

Решение о меряничности определенных лексических компонентов на основе топонимии внемерянской территории является весьма сомнительным. Сделанный А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 11–12] вывод о мерянском происхождении топонимии среднеустьянской территории не может быть подтвержден уже из-за неубедительности выделения мерянского слоя топонимии из субстрата. Кроме того, выборочное сопоставление материалов и использование неокончательных или неправильных выводов о происхождении рассматриваемых топонимических компонентов должно привести к необоснованным выводам. Согласно имеющимся сведениям, при реконструкции мерянского языка среднеустьянская топонимия не может быть использована (ср. [Матвеев 1997: 46]).

Нетипичность приведенных А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 12] топонимических компонентов исторических мерянских земель (только *-бал*, *-бол* и *-ехра* являются типичными, а *-бож*, *-ингирь* и *-кур(а)*, *-курга* можно считать редкими), а также их распространенность на внемерянских (и вне среднеустьянских) территориях делают меряничность уже большинства из них надуманной. Следовательно, подтверждение мерянского происхождения приводимых среднеустьянских топонимов опирается на слишком слабую почву. Немногочисленные топонимические параллели Мерянской земли с южной частью Архангельской области не могут быть заменены свидетельствами марийского языка. Таким способом мерянское происхождение топонимов не может быть доказанным.

Связи приведенной А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 13–] среднеустьянской топонимии направлены как на фонетическом, так и на лексическом уровне, главным образом, в марийскую сторону. Многие из этих топонимов проще всего объясняются на основе марийского языка, как это, собственно говоря, и делает автор статьи. С большей вероятностью можно было бы предполагать существование марийско-подобного по языку населения на исследуемой им территории. Примечательно, что и в древнем пласте топонимии Русского Севера Матвеевым [Матвеев 1996: 20] выделяется марийское начало.

Рассмотренная в статье [Матвеев 1996: 13] среднеустьянская параллель суздальскому ойкониму *Кибол*, а именно *Кубал(о)*, естественным образом объясняется именно на марийско-подобной почве. Марийское *у*, как правило, заменяется в русском языке на *у*. Ср., марийская форма вышеупомянутого *Куберсола*, а именно *Күверсола* или же название марийской деревни *Кувурба* Нижегородской области, звучащее по-марийски *Күвервуй* [Галкин 1991: 65].

Судя по микротопонимии, слово, обозначающее 'камень', звучало в мерянском, скорее всего, ближе к мордовским или даже прибалтийско-финским языкам, чем к марийскому языку. Ср., например, основу зафиксированного нами названия оврага в Переславском районе *Кивриский враг*, характеризующийся действительно каменным дном, и фин., кар., вепс., эст. *kivi* 'камень', лив. *ki'uv*, *ki'v*, *ki'u* 'камень; жернов', морд. *kev*, *käv* 'камень; (мн. ч.) жернов' [SSA 1: 378]. О марийско-подобной лабиализации – ср. мар. *kü*, *küj* 'камень' [SSA 1: 378] – топонимия бывшей мерянской территории не свидетельствует. Последовательно топонимия Мерянской земли приходит к данной топооснове с передним гласным *и*, а не с задним *у*.

Если предположить переход мерянского **i* в *й*, как это делает А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 14], останется непонятным отсутствие влияния данного обстоятельства на фонетический облик топонимии Мерянской земли, так как существование формы *Кибол* и *Кибож*, а не *Кубал(о)* и *Кубаж*, хотя мерянский язык должен был быть в силе еще до предполагаемой автором статьи миграции. На этом основании делается [Матвеев 1996: 14] важный вывод о том, что "мерянские названия СУ /Средняя Устья/ принадлежат либо какому-то своеобразному древнемарийскому наречию, либо, и это вероятнее, языку, находящемуся в близком родстве с марийским". Возникают вопросы: стоит ли на этом основании вообще говорить о мерянских названиях? Не слишком ли рано говорить об "устьянских мерянах"?

Субстрат ростовско-суздальских территорий позволяет нам связать его с современным марийским языком, видимо, в меньшей степени, чем с некоторыми другими финско-волжскими языками. Определенный А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 16] мерянский язык как близкий к современному марийскому не может на основе сведений топонимии восходить, по крайней мере, к центральной территории мери.

Естественно, следует учитывать мощное тюркское влияние на современный марийский язык. То, что о языке древних марийцев нам по существу мало известно, не позволяет строить исследование на возможном наличии каких-то явлений в каком-то языке. Даже определенный факт, имеющийся в марийском языке, без свидетельств субстрата Мерянской земли не доказывает его меряничности, тем более, что на известной в настоящее время бывшей мерянской территории мы пока не располагаем

достаточно убедительными доказательствами в пользу существования близкой к марийцам группы мери, которая, однако, вполне могла заселять, например, часть Костромского края.

Опасной является идентификация вымершего языка на основе каких-либо единичных его фрагментов. Ключевая роль, данная А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 11] названиям на *-енгарь*, для языковой идентификации мерянской топонимии на территории исторических мерянских земель кажется несправедливой. На основе лишь топорформанта *-ингирь* и гидронимов *Ингирь* признание большой близости мерянского языка к марийскому [Матвеев 1996: 8, 12] будет иметь неустойчивую почву. Сущность языка не может быть раскрыта на такой узкой основе. Поиск места мерянского языка в финно-угорском мире не может опираться на случайности, а требует учета несравненно большего количества топонимических и диалектологических фактов.

При выявлении особой близости мерянского языка к марийским А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 17] поднимает вопрос о связи этнонимов *меря* и *мари*. Решение этимологии этнонима *меря* нами предлагается с новой точки зрения (см. [Ahlqvist (в печати)]); относительно названий на *-мар(ь)* см. [Ahlqvist 1993]. Названия *Мерьское болото* и *Мерьков ручей*, приведенные Матвеевым [Матвеев 1996: 20], на основе наших исследований необязательно следует рассматривать как этнопонимы (ср. [Ahlqvist (в печати)]). До установления четких границ расселения народности к подобным данным следует относиться с большой осторожностью (ср. [Матвеев 1997: 46]).

Приводя возможные переносные названия для подтверждения предполагаемых миграционных потоков с одной (финно-угорской) территории на другую, не следует забывать о достаточно большой повторяемости топонимических компонентов в целом. Часть древней субстратной топонимии имеет очень широкое распространение на севере Евразии. Данный пласт топонимии может условно быть назван, например, "древнефинским". Используемый в публикации [Матвеев 1996: 20–21] термин "северофинский" ограничен территориально, хотя именно временной аспект важнее в содержании определения. При условии более полного выделения в "древнефинской" топонимии отдельных пластов названия следует уточнить.

Рассматривая вероятное наличие в Средней Устье более древней топонимии, чем предполагаемая им мерянская, А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 14–15] видит возможным подселение "устьянских мерян" к родственному им, более древнему населению. Подобное переселение является более чем вероятным, но слишком рискованно говорить в этой связи именно о мерянах, в то время как приведенные там же доказательства больше указывают на марийцев.

Исходя из достаточно широкого распространения основ таких топонимов как *Кадьевская*, *Устья* или даже *Которосль*³, необязательно судить о них, как о переносных названиях с мерянской территории. Сравнительно простые по своей структуре названия типа *Кадьевская* или *Устья* не могут служить в этом случае очень вескими доказательствами. Ойконимы же *Ростов*, *Ростово*, *Ростовка* и т.д. распространены не только в средних или северных частях России, но и достаточно широко на территории расселения славян (см. [RGN VII: 658]). Поэтому наличием названия села *Ростово* в Устьянском районе трудно доказывать миграцию жителей из Ростовского края Ярославщины. (Ср. [Матвеев 1996: 12].)

Скопление же некоторых топонимов в определенных местах может быть показательным, но только в том случае, если действительно речь идет о крайне редко встречающихся названиях. Для выводов потребуется весьма критическое отношение, включая ответы на вопросы о происхождении топонима и времени его переноса. Так, А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 12] считает возможным отнести среднеустьянский

³ А.К. Матвеев [1996: 12] упоминает, что у ростовского гидронима *Которосль* в XIX в. был записан вариант *Которость*. Следует подчеркнуть, что формы *Которость* и *Которось* до сих пор активно используются в языке местного населения.

гидроним *Которас* именно к мерянским, переносным. Нам кажется, что, по крайней мере, основа данного названия принадлежит, скорее всего, домерянскому субстратному слою. На это указывает не только сравнительно широкое распространение топоосновы *Кот(V)-*, связанной иногда, как мы предполагаем, с приведенным выше озерным суффиксом *-ор(о)*, ср., *Которское ~ Каторское ~ Котарское* – оз., СПб. г. [WRG II: 485], *Катрома* – р., вытекающая из оз. *Катромское*, Вол. г. [WRG II: 291], но и, прежде всего, вероятное распространение озера Неро до самой реки Которосль еще в сравнительно недавнее время, как говорилось выше. Мы считаем, что речное название *Которосль* содержит указанный выше озерный суффикс *-ор(о)*, возникнув от лимнонима вроде **Которо* в то время, когда река еще была непосредственно связана с озером. На основе географических данных можно предположить, что это произошло еще в домерянское время. Следовательно, жители Костромской деревни *Которово* рассуждают о наличии в древности большого водного пространства возле своего населенного пункта, что кажется вполне приемлемым на основе ландшафтных данных местности.

Вполне вероятно, что часть топонимических компонентов могла использоваться на протяжении длительного времени различными народностями финно-угорского происхождения. Хотя какую-то часть их можно обоснованно отнести к тому или иному времени и народу, судить о том, что такая широко распространенная топонимическая модель, как гидронимия на *-V(za)*, даже на ограниченной территории обязательно относится к определенному времени или этносу – слишком прямолинейный подход (ср. [Матвеев 1996:14]). Одноязычность топоосновы с одним и тем же суффиксальным компонентом не должна приниматься как бесспорный факт.

На основе топонимии Мерянской земли не вызывает доверия предположение А.К. Матвеева [Матвеев 1996: 15] о характерности мерянских элементов, главным образом, для гидронимии и нетипичности их для микротопонимии, что автор статьи объясняет, исходя из особенностей хозяйства мерян, аргументируя это тем, что охотникам и рыболовам, в первую очередь, нужно было называть водные объекты, по которым проходили их основные маршруты. Само собой разумеется, что охотникам и рыболовам необходима точная ориентировка и в лесах, болотах. В наше время это можно заметить по их особо хорошим и подробным сведениям о микротопонимии округа. Согласно нашим замечаниям, неславянский слой языка может с большей вероятностью быть определен как мерянский, в первую очередь, в микротопонимии Мерянской земли, нежели в гидронимии, более постоянной по существу.

Не обладая специальными знаниями, не станем дальше обсуждать вопрос о возможности миграции (пост)мерянского населения на территорию среднего течения Устья Архангельской области. Приведенные А.К. Матвеевым топонимические сравнения нас в этом еще не убедили. Археологическое исследование северных селений на *-бол(V)*, *-бал(V)* – типа *Кубал(о)*, *Обало* и *Сорбало*, которые Матвеев [Матвеев 1996: 15] называет мерянскими поселениями, могло бы достаточно уверенно доказать их принадлежность к определенной культуре или культурам, при этом не забывая о северо-западных селениях с *-бол(V)*, *-бал(V)*.

Вместе с тем, А.К. Матвеев [Матвеев 1996: 16] упоминает еще об одном очень интересном факте: о наличии пяти названий *Синий камень* на территории Средней Устья. Согласно нашим исследованиям [Ahlqvist 1995], "синие камни" имеют широкое распространение именно на территории летописной мери: в южной части Ярославской области и сопредельных регионах. "Синие камни", по нашим сведениям, имеются единично и в иных районах. Однако на других среднероссийских территориях подобного скопления "синих камней" не обнаружено, но не следует забывать, что при более тщательном изучении эта картина может несколько измениться. Так, например, в 1997 г. нами выявлен "Синий камень" под Костромой и в северной части Рязанской области.

Другое крайне интересное явление, отражающее духовную культуру и поверия жителей бывшей центральной территории обитания мери, – так называемые мирские камни, часть которых имеет углубления на своей поверхности (см. [Ahlqvist 1996]).

Важно выявить возможное наличие подобных камней и на территории Русского Севера.

Отсутствие полукалек в топонимии Волго-Окского междуречья может, по мнению А.К. Матвеева [Матвеев 1996: 10], указывать на недолгое двуязычие. Нам кажется, что мерянский язык сохранялся намного дольше, чем предполагают материалы археологических исследований. Подобным образом материальная культура и духовные традиции населения, в частности, современной мордовской деревни почти полностью русско-православные, хотя язык, несмотря на сильное русское влияние, все же мордовский – эрзянский или мокшанский. На мерянской территории вероятным кажется длительное сожительство местного и пришлого населения в отдельных селениях, о чем можно судить на основе ойконимии.

Хотя в наше время первой необходимостью является интенсивный сбор материалов, он, однако, будет лучшим образом осуществлен только в тесной связи с теоретическим исследованием. Понятно, что самые точные, раскрывающие суть проблемы вопросы в каждом конкретном случае могут быть заданы только на базе достаточно полных предварительных знаний о деле. Все же с выводами не следует спешить: выявление характерных черт, этимологизация топонимических компонентов финно-угорской субстратной топонимии Средней России только в начале своего пути. При достаточной степени изученности неизбежно будут получены ответы и на вопросы, связанные с возрастом различных топонимических компонентов, с выделением, хотя бы в некоторой степени, пластов субстратного и субсубстратных языков.

Мерянская проблема постоянно интересует языковедов и археологов, но хотелось бы вызвать интерес к ней также у современных этнографов, фольклористов, ученых, занимающихся вопросами религии. В последнее время появились совершенно новые возможности исследования генетики населения у антропологов. Все это, как нельзя лучше, способствовало бы более всестороннему изучению следов древних жителей Мерянской земли. В любом случае нельзя не согласиться с А.К. Матвеевым [Матвеев 1996: 21] в том, что перед мерянистикой открыты привлекательные перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алькаист Арья* 1995 – Синие камни, каменные бабы. JSFOu, 86. Helsinki, 1995.
- Алькаист Арья* 1996 – Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fennougristarum. Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia. Redegerunt Heikki Leskinen, Risto Raittila, Tonu Seilenthal, Jyväskylä, 1996.
- Галкин И.С.* 1991 – Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
- Горюнова Е.И.* 1961 – Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94, М., 1961.
- Кинельский стан 1705 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7653. Л. 511 об. –597. 1705 г. Переписная книга Переславль-Залесского уезда. Кинельский стан.
- Кинельский стан 1762 – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2591. Л. 1–24. 1762 г. Кинельский стан Переславль-Залесского уезда.
- Леонтьев А.Е.* 1996 – Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М., 1996.
- Матвеев А.К.* 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1, 3–23.
- Матвеев А.К.* 1997 – Мерянская проблема и пути ее решения // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Проблемы комплексного изучения. Международный симпозиум, г. Петрозаводск, 9–12 февраля 1997 г. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997.
- ОЮ – Озера Ярославской области и перспективы их хозяйственного использования / Отв. ред. В.Л. Рохмистров. Ярославль, 1970.
- Попов А.И.* 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. (Сборник статей.) Л., 1974.
- Попов А.И.* 1981 – Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Русинов Н.Д.* 1982 – Названия малых рек Угличского Верхневолжья // Топонимия Северо-запада СССР и проблемы ее изучения в высшей и средней школе. (Тезисы докладов и сообщений). Череповец, 1982.

- Смирнов М.И.* 1929 – Историко-географическая (хореографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для ее изучения). // Труды Переславль-Залесского Историко-Художественного и Краеведного Музея. XI вып. Переславль-Залесский, 1929.
- Смолицкая Г.П.* 1973 – Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
- СПАЯ* – Список памятников археологии Ярославской области. Приложение к решению Малого Совета Ярославского Совета народных депутатов № 99 от 29.04.93. Министерство культуры РСФСР. Управление культуры Ярославского облисполкома. Инспекция по охране памятников истории и культуры. /Хранится в Комитете по охране памятников истории и культуры. Ярославль./
- Ткаченко О.Б.* 1985 – Мерянский язык. Киев, 1985.
- ЭСРЯ* – Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЯО* – Ярославская область. Административно-территориальное деление (на 1 января 1986 года). Справочник. Ярославль, 1986.
- Ahqvist Arja* 1993 – *Ihmar' ja Kuhmar'* // MSFOu 215. Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Helsinki, 1993.
- Ahqvist Arja* (в печати) – Merjalaiset – suurten järvien kansaa. /Выходит Helsinki, 1997./
- Ahqvist Arja* 1997 – The ethnonym *Muroma* // Die Vorträge des Symposiums "Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt" (Groningen, 21.–23. November 1996). /Выходит Maastricht, 1997./
- Europaeus D.E.D.* 1868 – Tietoja suomalais-ungarilaisten kansain muinaisista olopaikoista // Suomi, II jakso, 7 osa. Helsinki, 1868.
- Kalima J.* 1919 – Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.
- MW* – H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. I–IV. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXIII. 4. Helsinki, 1990–1996.
- RGN* – Russisches Geographisches Namenbuch. Begründet von Max Vasmer. Herausgegeben von (Max Vasmer und) Herbert Brüauer. Bd. I–XI. Wiesbaden, 1964–1988.
- SSA* – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Erkki Itkonen, Ulla-Maija Kulonen. 2. – Ulla-Maija Kulonen. Helsinki, 1992–.
- UEW* – Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Károly Rédei. Unter Mitarbeit von Marianne Bakró-Nagy, Sándor Csúcs, István Erdélyi, László Honti, Éva Korenchy, Éva K. Sal und Edit Vértes. Bd. I–II. (Bd. III: Register. Zusammengestellt von Attila Dobó und Éva Fancsaly). Budapest, 1986–1991.
- Vasmer Max* 1935 – Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Herausgegeben von Herbert Brüauer. Bd. I. Berlin, 1971. /Переиздание с 1935 г./
- WRG* – Wörterbuch der russischen Gewässernamen. (Zusammengestellt unter Leitung) von Max Vasmer. Bd. I–V, Nachtrag. Berlin (–Wiesbaden), 1961–1973.